

Глава 12

Экономика: проблемы, проблемы...

Каждый год моей работы в качестве Председателя Совета Министров СССР памятен мне по-своему: надеждами и трагедиями, пережитыми со всей страной, успехами на одних участках деятельности и невозможностью переломить, улучшить ход событий на других. По-своему — на всю жизнь! — мне памятен и 1989-й, внешне совсем неприметный год, ничем вроде бы не выделявшийся из череды предшествующих. Но именно этот год стал началом крушения всех моих надежд и как гражданина, и как премьера страны.

Но — по порядку.

Я уже писал о том, что к концу 1987 года новая система управления народным хозяйством, давно и упорно разрабатываемая нами, проверенная широкомасштабным экспериментом, окончательно перешла из теоретической в практическую сферу, в жизнь. На весьма прогрессивных для того времени условиях самофинансирования работали предприятия, выпускающие 60 процентов всей промышленной и сельскохозяйственной продукции и примерно половина всех предприятий сферы обслуживания.

В довольно бурно нарождающейся кооперации работало более миллиона человек. Закон о ней был принят на сессии Верховного Совета СССР в мае 1988 года. Это был новый шаг по реформированию экономики после принятия годом раньше закона о госпредприятии.

Основной упор и в проекте Закона, который был опубликован во всех газетах, и в моем докладе на сессии был сделан на кооперацию в сфере производства и услуг. По данным Госкомстата СССР, неудовлетворенный спрос на промышленные товары народного потребления в то время оценивался более чем в 30 миллиардов рублей, а в сфере услуг, оказываемых государственными предприятиями, —

примерно в 15 миллиардов. Стояла задача с помощью делового сотрудничества разветвленной сети кооперации с государственным сектором экономики решить эту проблему.

В моем представлении государственные предприятия — глыбы, а пространства между ними и должны были заполняться мелкими производственными и кооперативными предприятиями сферы услуг.

В последние перед тем годы вокруг кооперации было много всевозможных теоретических дискуссий и обывательских пересудов. Некоторые ученые считали, что наши предложения есть отход от социалистических идей. Утверждалось, что вся собственность при социализме должна быть в руках государства и что толкование известной статьи Ленина «О кооперации» является ошибочным. В этом нужно было разобраться как следует, ибо ни я, ни мои соратники не помышляли отходить от социалистических принципов. И к проработке теоретических основ кооперации, к анализу ее роли и потенциала в современных условиях были привлечены лучшие ученые-экономисты и специалисты по кооперативному движению.

Были рассмотрены взгляды Ленина с конца 18 года, когда он говорил о непременном слиянии кооперации с Советской властью, и до его знаменитого тезиса: «Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом», выдвинутого в начале 23 года. За это время Советская власть окрепла, победила в гражданской войне. Контроль государства над этой формой экономических отношений был обеспечен, а через 65 лет — тем более. Между тем споры о том, что, защищая идею кооперации, Ленин, по сути дела, пересмотрел некоторые принципиальные вопросы построения социализма, не утихали. Ну, спрашивается, неужели ради красного словца было сказано: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»?

Усиление позиций кооперации в экономике означало развитие в стране разных форм собственности и управления. Кооперативное движение, дополняющее мощный, но не очень гибкий государственный сектор экономики, стало все активнее утверждать себя. Но тут само понятие «кооператор» вдруг приобрело явно негативный характер в сознании общественности, что, на мой взгляд, вызвано следующим.

Первое. Для быстрого формирования кооперативного сектора были установлены весьма льготные налоги, существенно отличавшиеся от налогов на государственные пред-

приятия. Экономическая свобода в кооперативах позволяла платить зарплату более высокую, нежели на госпредприятиях. И многие их руководители стали на своих заводах создавать кооперативы, которые использовали средства производства, принадлежащие государству, выпускали зачастую ту же самую продукцию, но при совершенно иных экономических взаимоотношениях с ним. Фактически стало происходить переплетение, перемешивание собственности и управления, что вызывало массу осложнений в кадровой политике, в психологии трудовых коллективов, во многом криминализировало обстановку и т. д. Попытки же запретить подобную практику встретили шквал критики и в прессе, и в уже новом парламенте. Лоббизм начинал набирать силу.

Второе. Сказывалось давление этого парламента с целью расширения сферы действия кооперативов. В самом конце 88 года мной было подписано, во исполнение Закона о кооперации, постановление о запрещении некоторых видов деятельности кооперативов. В основном это касалось части медицинских кооперативов, а также всего, что связано с производством наркотических средств и добычей золота. Были затронуты и вопросы контроля за морально-нравственной стороной печатной продукции и кинематографии. Последнее вызвало небывалый шквал критики.

Не было ни одной газеты, которая бы не внесла свой «вклад» в нее. В мае 89 года на Первом съезде народных депутатов я отвечал на вопрос одного журналиста: «Что критиковалось? Критиковалась та часть постановления, которая касалась идеологии. Можем ли мы отдать идеологические вопросы в любые руки? Это надо решать обществу. Если отдавать кому угодно, то тогда необходимости в таком постановлении нет. Но, думаю, это не так. Несколько месяцев назад я прочитал статью в «Советской культуре» — про одного американца, приговоренного к смертной казни. Он перед смертью говорит: «Вы меня развратили за мои 25 лет. Развратили, показывая насилие. А я ведь нормальный человек, я не шизофреник, не сексуальный маньяк. Вы ведь меня развратили, а теперь сажаете на электрический стул». Я так понимаю, что такого нам нельзя допустить».

Повторяю, я это говорил в мае 89 года. И слова мои, к огромному сожалению, оказались пророческими. Посмотрите нынешние телепередачи, развалы книг на переходах в метро, объявления в якобы комсомольских газетах. Все

погрузилось в разгул насилия, порнографии, разврата. Ни одна страна не допустила бы такого массового оболванивания своего народа, буквально растления молодежи.

Третье. К числу «заслуг» тогдашнего парламента я бы отнес и предоставление прав кооператорам в посреднической деятельности, т. е. в перекупке, а проще — в спекуляции. Я не буду называть фамилии этих лоббистов, они и так часто фигурируют в книге. Но дело свое они сотворили: кооперация стала уходить из сферы производства и услуг в сферу спекуляции.

Однако и при этих, как и многих других неприятностях и издержках позитивные тенденции в реформировании экономических отношений приносили все более заметные результаты.

В стране развернулось арендное движение. Передача в аренду магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских, даже небольших фабрик стала входить в повседневную практику. То есть постепенно, но неуклонно страна двигалась в рынок. Не в дикий, буйный, неподвластный никаким законам и правилам, даже правилам элементарной порядочности, какой мы имеем сегодня, но в регулируемый, социально направленный.

Таким мы его видели, мечтали увидеть, да такой он во всем мире и есть. Назовите мне страну с абсолютно неуправляемой рыночной стихией. Не назовете, нет таких. Разве что где-нибудь в Африке? Везде рынком управляют — где-то ненавязчиво, исподволь, а где-то и напрямую, не скрываясь.

Да, еще сильна была инерция старых методов управления в экономике, но ростки нового пробивались, и изменения в народном хозяйстве к концу 88-го тоже были заметны. Позволю себе немного цифр, чтобы подтвердить эту мысль.

Национальный доход за три года (1986—1988) двенадцатой пятилетки вырос на 11,6 процента. Промышленная продукция увеличилась на 13,3 процента. Объем капитального строительства по сравнению с предыдущей пятилеткой возрос более чем на треть.

Появились уже ощутимые результаты поворота экономики к социальной сфере. Если в первые два года продукция группы «А» (для нужд производства) традиционно опережала группу «Б» (для нужд населения), то уже в 88-м все было наоборот. Всего-то разница в два процента, но за ними — радующая тенденция: наконец-то наша экономика начала разворачиваться к людям.

В общем, до сих пор мы в целом достаточно умело и удачно строили всякого рода теории. Умные. Надежные. Увлекательные. Многообещающие. Но вот они столкнулись с практикой, и оказалось, что тут мы недодумали, там — недооценили, а здесь привходящие обстоятельства вмешались.

Попытаюсь, быть может — впервые, свести все это воедино и посмотреть, почему мы продвигались вперед с 86 года — хотя и трудно, но все-таки продвигались. Ибо с 1990 года началось стремительное и почти неуправляемое отступление.

Обострение «национального вопроса» в Закавказье, а затем и в Прибалтике, быстрое разрушение системы управления государством во главе с КПСС и слишком медленное создание новой системы под звучным, но сомнительным уже в тогдашних условиях лозунгом «Вся власть Советам!», оппозиция, созревшая не только для митинговщины, но и для борьбы за власть, — все это не могло не сказаться на экономике. Она не выдержала быстро нарастающей общей нестабильности в стране. Тут уж, как говорится, продвигайся вперед, не продвигайся, — общий результат все равно будет отрицательным.

Но были и другие причины, которые очень мешали движению вперед. Скажем, непродоленные недостатки во внешнеэкономической деятельности, многие из которых, правда, требовали для своей ликвидации долгого ряда лет и колоссальных капиталовложений, а у нас не было ни того, ни другого. В 1986 году на мировом рынке произошло резкое снижение цен на нефть и газ, а в нашем экспорте традиционно был высокий удельный вес энергоносителей. Что было делать? Самое логичное — изменить структуру экспорта. Увы, сделать это достаточно быстро могли лишь самые экономически развитые страны. Наши же промышленные товары были на мировом рынке неконкурентоспособными.

Возьмем, например, машиностроение. Объем экспорта его продукции по сравнению с 86 годом не изменился, но ведь шла она практически только в страны СЭВ. «Капиталисты» брали едва ли 6 процентов от всего машиностроительного экспорта! Вот почему мы и вывозили в основном сырье. Помните, в самом начале перестройки мы заявляли об ускорении научно-технического прогресса и развитии машиностроения как опорной отрасли? Мы отнюдь не пытались сразу стать в один ряд с крупнейшими экспортерами

машин и оборудования, прекрасно понимая, что в мировой машиностроительный рынок не так-то просто войти. К слову, на покупку машин и оборудования, не только из стран—членов СЭВ, уходили большие валютные ресурсы. Миллионы людей ездят сейчас на «Жигулях», не задумываясь, что их автомобили — это и есть материализованные «нефтедоллары», точнее, их немалая часть, о которых так рьяно и страстно кричали журналисты и все те, кто видел только черное в советской экономике. Но, разумеется, это замечание не означает, что его автор не видит крупных недостатков во внешнеэкономической политике последних десятилетий вообще.

Что же касается периода 85—90 годов, то мы в Правительстве думали, прежде всего, о создании в стране достаточно крепкой перерабатывающей базы, чтобы продавать не только сырье, но и получаемые из него готовые продукты. Ведь, продавая только сырье, мы ежегодно теряли больше, чем приобретали. Судите сами: лес-кругляк, который шел за рубеж, стоил на рынке вчетверо меньше высушенного и распиленного на обыкновенные доски. Или, скажем, в соседнюю Финляндию мы из года в год вывозили такой кругляк, а взамен ввозили картон и бумагу, сделанные как раз из него. Потери в деньгах при этом были ощутимые. А сколько миллиардов мы, как страна, вывозящая в основном сырье, не получали ежегодно из-за обстоятельств, от нас мало зависящих! Так, в 1986 году в связи с упомянутым падением цен на энергоносители мы потеряли по сравнению с 85-м пять миллиардов рублей. И чем дальше, тем больше...

Напомню вкратце еще об одной стороне дела. Как известно, в послевоенные десятилетия в Европе образовались два военно-политических и два экономических блока. Думаю, нет необходимости анализировать побудительные мотивы усиления интеграционных процессов в каждом из них. Совершенно очевидно, что преследовалась главная цель — укрепление этих блоков в экономическом и военно-политическом отношениях. И их противостояние стало немаловажным фактором их внутреннего развития.

Что касается экономических блоков — Общего рынка (ЕЭС) и Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), то входившие в них страны развивались по разным моделям организации хозяйственной жизни — рыночной и планово-распределительной. И, безусловно, наряду с идеологическими догмами, это являлось большим тормозом для более широкого и эффективного включения социалистических стран в мировую интеграцию.

В 1989 году в странах Восточной Европы произошли кардинальные политические изменения, в их экономической жизни началось быстрое разрушение централизованного управления и стал осуществляться весьма болезненный переход на рыночные отношения. Это прямо сказалось и на связях между странами СЭВ.

Для оценки сложившейся ситуации необходимо учесть не некоторые особенности наших экономических отношений. Дело в том, что между государствами, входившими в СЭВ, была не торговля в классическом смысле этого слова, а прямой товарообмен. Валютной же единицей был переводной рубль. При жесткой планово-договорной системе он не выполнял функций, присущих полноценным деньгам, а служил просто условной единицей, мерой, с помощью которой производился обсчет взаимосогласованных поставок. Поэтому для нормальной торговли переводной рубль не мог быть использован. Наша торговля с другими странами СЭВ заходила в тупик. Надо было принимать радикальные решения.

В январе 1990 года в Софии на сессии СЭВ руководство СССР вышло с предложением: начиная с 1991 года перевести наши отношения на рыночные, положив в основу мировые цены и взаиморасчет в свободно конвертируемой валюте (СКВ). Это была объективная необходимость.

В оценке этого шага нередко проявляется чрезмерная упрощенность. Причины его некоторые авторы видят только в желании СССР получить твердую валюту. Но ведь мы прекрасно понимали, что в этих странах ее нет, а продукция, поступающая из них в Союз, на мировом рынке в основном неконкурентоспособна. Поэтому намечалось на первых порах сохранить бартерные операции с тем, чтобы не разрушать экономику стран—членов СЭВ, но вести при этом расчеты в СКВ.

Жизнь внесла свои коррективы в эти договоренности: в 1991 году прекратили существование военно-политический и экономический блоки Восточной Европы, не стало и единого Советского Союза.

Переход на рыночные отношения бывших стран—членов СЭВ привел к резкому сокращению торговли с ними. Их удельный вес в товарообороте России в 1992 году был равен 18 процентам против 36 в 90-м. Эти факты еще раз говорят о том, что включение в мировую экономику является процессом весьма болезненным и длительным.

Если и дальше продолжать разговор о внешнеэкономических проблемах того времени, то следует еще раз подчеркнуть влияние политики на экономику и в этой сфере.

Помню разгневанного Андропова, который раздраженно говорил:

— Что ж мы за всех вокруг цепляемся? Стоит только кому-нибудь крикнуть погромче: «Строим социализм!» — к тому и бежим со всех ног. Но зачем же ко всем сразу бежать? Может, сначала лучше подождать, подумать, поглядеть? Или нам больше других нужно? Или мы богаче всех?

Если не ошибаюсь, тирада эта относилась ко времени, когда мы активно поддерживали сандинистов в Никарагуа.

По политическим мотивам не только отдавался приоритет во внешнеэкономических связях, но и оказывалась безвозмездная помощь. Я вполне разделял недовольство Андропова: тяжело она отражалась на нашей экономике, хотя — истины ради отмечу — она была ниже среднемировых показателей.

С 1986 по 1989 год вся безвозмездная помощь зарубежным странам составила около 60 миллиардов инвалютных рублей, то есть 1,1 процента валового национального продукта. 22 миллиарда из них «съела» Куба. Наше правительство медленно, но настойчиво вело курс на уменьшение этих объемов. Невелики, быть может, сдвиги, которых мы добились, но заметны. Вот данные только по развивающимся странам: в 1986 году им оказали помощь в сумме 16,5 миллиарда инвалютных рублей, а в 89-м — уже почти на 3 миллиарда меньше: 12,6...

И все же суммы нашей помощи были довольно существенными, особенно — предназначенные Кубе. Конечно, в первую очередь здесь преследовалась политическая цель — создать какой-то противовес экспансии США в страны Латинской Америки. Историческая агрессивность Штатов в этом районе мира не требует комментариев. И Советский Союз являлся естественным союзником латиноамериканских государств в отстаивании ими своей политической, экономической и культурной независимости.

Но не только экономическими затратами характеризовалось наше сотрудничество с Кубой. Оно было и полезным: мы имели стабильные поставки нам сахара, цитрусовых, табака, рома, никеля. В оплату этого мы отправляли, кроме нефти, машины, оборудование, военную технику, участвовали в инвестиционных проектах, например, в строительстве атомной станции, никелевого завода. Но начиная с Горбачева — Панкина, а затем Ельцина — Козырева пошли зигзаги в отношениях с этой страной. В конце концов она была предана в угоду Соединенным Штатам.

Принципиально изменилось и положение нашей страны. Из кредитора она превратилась сейчас в заемщика, более того — в попрошайку. Теперь другие оказывают России «помощь» в создании дикого капитализма.

В 1989 году нами было предоставлено 10,4 миллиарда рублей кредита иностранным государствам. Сейчас же правители России ходят по всему миру с протянутой рукой. Набившие оскомину 24 миллиарда долларов, которые Россия так и не получила, вошли уже в арсенал анекдотов. Хочу довести до сведения читателей, что в 89 году мы брали кредитов от иностранных заемщиков на эту же сумму. Но — брали и отдавали! Этим занимался только Внешэкономбанк, так как платежеспособность страны была безупречной. О кредитной же политике нашего Правительства скажу несколько позже.

Различные отклонения внутреннего и внешнего характера от нормальной экономической жизни, безусловно, сказывались на положении в стране. Один Афганистан стоил нам миллиарды. Наверное, я должен назвать эти цифры. В 1985 году война там обошлась нам в 2,6 миллиарда рублей, или в 7,2 миллиона рублей в сутки. В 87-м, соответственно, в 5,4 миллиарда и 14,7 миллиона. Это все о деньгах. О бесценности тысяч жизней погибших в Афганистане советских ребят и сломанных судьбах давно и лучше меня сказали политики и поэты.

Читатель, по-видимому, обратил внимание на то, что в своей книге я почти не касаюсь внешнеполитических вопросов. Не ставил такой цели перед собой. Но это небольшое отступление меня вынудило сделать телепередача о войне в Афганистане. Один из ее участников — Яковлев, бывший мой коллега по Политбюро, заявил, что в этой войне были заинтересованы военные и военно-промышленный комплекс, поскольку им надо было производить и совершенствовать оружие.

Лукавите, Александр Николаевич! Война в Афганистане — это дело рук политиков. И только их дело! А армия и ВПК были всего лишь исполнителями их воли. И не три человека в Политбюро в 86 году были против этой войны, а все. Подчеркиваю — все! И не стоит сегодня зачислять себя в «Святую троицу», а остальных относить к воинствующим ортодоксам. По этому вопросу в тогдашнем Политбюро было полное единодушие. И многие помнят это. Я сидел рядом с Горбачевым, когда он впервые открыто сказал Кармалю о том, что мы будем выводить наши войска из Афганистана. Вот так-то...

А сейчас руководимое Яковлевым телевидение не очень четко, да и как-то стыдливо выражает позицию России по таджикско-афганской границе. Я был против войны в Афганистане. Считал, что конфликт в этой стране — внутреннее дело ее народа. А наша граница должна быть стабильной и спокойной. Впрочем, не слышал, чтобы и другой новоявленный господин — Козырев — высказал свою твердую позицию по этой пограничной войне. Это и понятно. Ведь он сейчас больше воюет с «политическими ублюдками красно-коричневой масти» (это его бранные слова), которые, оказывается, завелись в Государственной Думе. А пока на границе с Афганистаном убивают наших мальчишек в военной форме...

Займы, кредиты и внешние долги России — проблема, которая обостряется из года в год и привлекает к себе внимание широкой общественности — отечественной и зарубежной. И хотя я не имею возможности дать детальный анализ существующего здесь положения дел за последние 3—4 года, так как располагаю только открытыми публикациями, тем не менее придется коснуться этой проблемы. В официальный обиход запущен термин «долги бывшего СССР». Запущен теми, кто в 90—91 годах всяческими путями дестабилизировал политическую и экономическую обстановку в стране, разваливал СССР, кто уже четыре года руководит Россией.

Между тем до 89 года серьезных проблем в получении кредитов и выплате внешних долгов, как я уже говорил, не было. Мы сталкивались, конечно, с трудностями, связанными с колебаниями мировых цен на экспорт и импорт, недопоставкой экспортной продукции и сверхплановой закупкой за рубежом, особенно зерна и продовольствия. Но мобильность экономики, возможность маневрировать материальными ресурсами, имевшиеся валютные резервы, в том числе и золота, позволяли справляться с возникающими задачами.

В 1989 году новая государственная власть — Съезд народных депутатов СССР развернул широкое обсуждение экономических проблем. Это было естественно. Придя на свой первый Съезд, депутаты, не остывшие еще от митингов и горячих речей, рассчитывали найти быстрые, радикальные решения острых вопросов жизни страны, в том числе и внешнеэкономических. Многие депутаты именно в этой сфере видели некую панацею от всех наших бед. Тон задавали некоторые ученые-экономисты или экономисты-публици-

сты. Мнения были самые различные — от обвинения Правительства в распродаже богатств страны и ограблении будущих поколений до претензий к его чрезмерно осторожной политике в области получения кредитов.

Чтобы иметь представление о сложившейся в то время ситуации, я позволю себе процитировать свои слова, а также выдержки из выступления Н. П. Шмелева, доктора экономических наук, ныне члена-корреспондента РАН. Он в то время «специализировался» на этой теме.

Докладывая на Первом съезде о программе предстоящей деятельности Правительства СССР, я говорил о трудностях во внешнеэкономической сфере. Тональность доклада отвечала духу того времени — говорить больше о проблемах и недостатках, даже сгущая краски. В частности по займам и задолженности моя позиция выражалась в следующих словах:

«Правительство считало, что чрезмерная валютная задолженность чревата серьезными экономическими и политическими последствиями, что к вопросам займов надо подходить с максимальной осмотрительностью.

В целом же вижу задачу в том, чтобы работа нового правительства была направлена на решительное преодоление искусственно создававшейся на протяжении многих лет оторванности нашей экономики от процессов, происходящих в мировом хозяйстве».

И — длинная цитата из выступления моего оппонента, который явно выражал не только свое мнение, но и многих тех, кто сознательно или нет придерживался такой же позиции: после нас — хоть потоп.

«И, наконец, займы. Николай Иванович говорит, что он не хочет оставлять никаких долгов своим внукам. Я могу его понять, но в этом все же есть нечто провинциальное. Сейчас весь мир одной рукой занимает, другой — дает. Все живут, так сказать, в долг. Если мы какую-то сумму займем (менее, чем тот долг, который висит сейчас на нас, если опять-таки пользоваться западными источниками, чистого долга где-то на уровне 30 миллиардов долларов), ничего страшного не произойдет. Чем отдавать? Если уж говорить по-деловому (любой финансист меня поймет), то отдавать сейчас никто не отдает».

Комментарии, как говорится, излишни. Сейчас некоторые политические деятели и экономисты-журналисты бросают камни в прошлое. Вот-де они тогда!.. Отсылаю их к стенографическому отчету Первого съезда народных депутатов СССР за 7 и 8 июня 1989 года.

Наше Правительство видело свою задачу не только в том, чтобы руководить оперативно жизнью страны, но и в том, чтобы создавать, укреплять плацдарм для ее развития в дальнейшем. А для этого нужно было анализировать, изучать опыт не только отечественный, но и зарубежный, в том числе отрицательный.

Я до сих пор помню горькие слова Збигнева Месснера, бывшего премьер-министра Польши, сказанные мне в самолете, когда мы летели из Варшавы в Краков в 86 году:

— Все могу простить Герску, кроме одного: внешнего долга, в который он вогнал Польшу. Вы не знаете, к счастью, что значит жить под постоянным дамокловым мечом, занесенным над страной многочисленными кредиторами... После войны мы взяли кредитов на 45 миллиардов долларов. На сегодняшний день выплатили 48 миллиардов и еще 35 миллиардов должны. Это — как снежный ком.

В нашей стране превышение импорта над экспортом было давно. Но оно не казалось мне противоестественным, так как государство обладало огромным потенциалом. Но, зная реальное положение со структурой экспорта, я, как уже говорил, боялся чересчур глубоко залезать в долги. В начале 1986 года наш внешний долг составлял 27 миллиардов инвалютных рублей. В 90 году, к концу моего премьерства, — 35 миллиардов. Рост есть, но он, во-первых, невелик для такой державы, какой был СССР, а во-вторых, он увеличивался в меру роста масштабов производства и национального дохода.

В те годы Советский Союз считался в мире кредитоспособным и честным партнером; мне в моем премьерском кабинете не раз приходилось отказывать посетителям из-за рубсжа, которые прямо-таки навязывали нам кредиты. Понимаю, что сегодня подобное звучит весьма фантастично, но ни на йоту не преувеличиваю. Есть тому свидетели.

Из отрывочных данных, публикуемых в печати, можно сделать вывод, что в 92-м, в «звездном» году Гайдара и его команды, внешний долг России, которая взяла на себя ответственность за все бывшие республики СССР, составлял 70 миллиардов долларов. Недавно появилась информация о том, что внешний долг России к концу 95 года составит уже 130 миллиардов долларов. Нетрудно вычислить: за четыре года он увеличился на 60 миллиардов! Напомню: за пять лет — с 86 по 90 год — внешний долг СССР —

страны, вдвое большей, чем Россия, увеличился всего на 8 миллиардов инвалютных рублей. Бродят по газетам и другие цифры. Казалось бы, что в наш век полной открытости во избежание разных толкований надо было бы официально довести до сведения сограждан полную структуру долга и дать соответствующие пояснения.

Скажем, у меня, как у гражданина мосей (а не «этой»!) страны, тоже возникает множество вопросов. Вот некоторые из них. Только что я назвал внешний долг в инвалютных рублях. По какому курсу его пересчитали в доллары? По какому курсу пересчитали взаимную задолженность стран СЭВ в переводных рублях? Каково было изменение курса индийской рупии во время визита в эту страну лидера России? Учли ли во взаимных расчетах «нулевые» решения ее Президента по оставшейся материальной базе нашей армии в Венгрии, Чехословакии, Польше? Будет ли компенсироваться наш долг ФРГ за счет оставшейся материальной базы полумиллионной армии, которая недавно под исполнение нашими солдатами на немецком языке песни «Прощай, Германия» и под личное президентское дирижирование оркестром покинула эту страну? И таких вопросов масса.

Но основной вопрос гораздо глубже. Нынешние горе-реформаторы еще четыре года назад взяли в свои зарубежные советники выходцев из чикагской школы, которые и намылили удавку для страны. Не мы первые попали в эту петлю Международного валютного фонда (МВФ). В течение 80-х годов в трех десятках стран была применена его программа. Известно, что стало с экономикой этих стран. Например, когда в Мексике были открыты огромные месторождения нефти, США «помогли» их освоить — и за 1983—1987 годы Мексика выплатила кредиторам в виде процентов 48 миллиардов долларов, погасив лишь 18 миллиардов основного долга. На каждый доллар займа страна выплачивала 2,5 доллара. Сравните эти данные и цифры моего польского коллеги. Я специально привожу их, ибо подобная программа реализуется сегодня и в России.

Такое положение не является случайностью. Это — закономерность работы по принципу долговых капканов, целенаправленная внешнеэкономическая политика развитых стран. Имея в развивающихся странах лишь 25 процентов своих активов, американские и транснациональные банки и корпорации получают там около 50 процентов чистой прибыли. По данным ООН, в 1980—1982 годах богатые страны дали бедным 49 миллиардов долларов, а в

1983—1989 годах взяли с них 242 миллиарда! Главная цель этих «благодетелей» — держать конец этой петли, держать до бесконечности в своих руках и в максимальной степени превратить долги в материальные ценности, которые станут собственностью кредиторов. Мировой опыт показывает, что это самый верный путь приобретать по дешевке заводы и фабрики, созданные поколениями людей. И действительно, в российских средствах массовой информации развернулась кампания в поддержку Правительства в деле «капитализации внешнего долга». Она идет в стране широким фронтом — приватизация для «новых русских» и иностранных компаний. Значительная часть народа смирилась с этим — дескать, лишь бы прожить как-нибудь, а правящая элита тем временем проводит здесь четкую линию.

Наиболее приемлемым выходом из внешней задолженности является возврат долгов нашими должниками. На момент принятия решения о полной ответственности России по долгам всех республик бывшего СССР, долг иностранных государств Союзу составлял 147 миллиардов долларов. Даже если принимать наиболее вероятную реальную стоимость продажи этих долгов в половинном размере от номинала, то наш долг уменьшился бы почти вдвое. Но для этого необходимо иметь в стране эффективную государственную систему, тесно взаимодействующую с мировыми организациями, занимающимися внешними долгами.

Ныне правила внешнеэкономической игры меняются по несколько раз в год. Предприятия, организации, люди устали от неразберихи в этой области. Необходима срочная разработка конкретной государственной программы внешнеэкономической деятельности на несколько лет вперед. Она должна быть пусть нелегкой, но стабильной. Главная ее цель — ввести в нормальное русло эту деятельность и прекратить бегство валюты за рубеж. Пути здесь разные — от льгот до жестких мер. Многочисленные публикации и исследования показывают, что действующая система просто вынуждает владельцев валюты гнать ее за рубеж и оставлять там. Она убегает от наших «порядков» (точнее — беспорядков) и непредсказуемости. Трудно сказать точно, сколько нашей валюты за рубежом, но, по общему мнению, на оплату всего внешнего долга России хватило бы с лихвой.

Сейчас же у общества потеряна вера в то, что Правительство России в состоянии обеспечить поступление валюты в бюджет страны. Недобор составляет здесь примерно 70

процентов от полагающихся сумм. Всего несколько цифр, подтверждающих сказанное.

В первом квартале 94 года из предполагавшихся 2,6 миллиарда поступило 700 миллионов долларов. По некоторым оценкам западных экспертов, на счетах россиян, постоянно пребывающих в Швейцарии, в середине того же года было 54 миллиарда долларов. И это только в одной стране и только от тех, кто там «осел». А сколько в других государствах и от всех категорий вкладчиков?

А пока в России нарастает цепная реакция перекачки ценностей, в том числе и валюты, за рубеж. На нас заграница смотрит как на ненормальных: все сделали, чтобы валюта уходила на Запад, а сами обращаемся к ним же с просьбой перенести долги и дать новые кредиты. Для того чтобы это остановить, нужны чрезвычайные меры. Тем более что вывоз национального богатства за рубеж совпал с приватизацией, ставшей основой стремительного роста компрадорской буржуазии. В этих условиях она будет продолжать невероятно богатеть. У российских нуворишей появились виллы, яхты, роскошные автомашины и т. д.

Компрадорская буржуазия вкупе с коррумпированным чиновничеством все в большей степени будет чувствовать свою безнаказанность, так как это именно тот слой, в интересах которого развиваются подобные процессы и на который опирается сегодня государственная власть. Народ же и его культура будут непрерывно деградировать. Как говорил один лидер, «процесс пошел». И все, о чем я сейчас пишу и о чем думаю, не является результатом ошибок и просчетов нынешних властей, это четко запрограммированное действие для достижения совершенно определенных целей. Фиговые листки сброшены.

Раз уж речь идет о наших внешнеэкономических делах, то не могу не сделать очередное отступление и не сказать, что во вторую половину 91-го и первую 92 года общественное мнение будоражили опытные газетные волки, спекулировавшие на этот раз на преступной распродаже (терминология газетная, не моя) отечественных запасов золота и алмазов. Что же было на самом деле?

Начнем с золота. Во-первых, продажа его за рубеж никогда заранее не планировалась. Нефть, газ, лес, другое сырье, даже алмазы, — о них речь впереди, — все это предусматривалось в годовых планах экспорта. Золото же всегда береглось «на всякий пожарный», тем более что таких случаев в стране хватало с избытком ежегодно. Во-вторых,

до недавних пор точные данные обо всех запасах золота в СССР знали едва ли не только трое — Генеральный секретарь, он же впоследствии Президент, министр финансов и Председатель Совета Министров, то есть я. Может, конечно, еще кто-то знал, о ком мне не известно. Другое дело, что особо сообразительные могли примерно определить наш золотой запас, сопоставив данные о его продаже за границу, внутреннее потребление и т. д.

В общем, когда я возглавил Совет Министров СССР, золотой запас страны на 1 января 1986 года равнялся 587 тоннам. К 1 января 1990 года он составил 784 тонны. Каждый отдельный факт продажи золота в годы моего премьерства непременно согласовывался с Горбачевым и осуществлялся только после официально оформленного решения. В каких случаях это делалось? В экстремальных, естественно! Не хватает, допустим, 30 миллионов тонн фуражного зерна. Сверстывали план на один урожай, а получили другой. Скот из-за этого резать не станешь — завтрашнюю продовольственную базу подорвешь, а планы по продаже, например, нефти или газа уже сверстаны, увязаны с внутренней потребностью, и на излишки рассчитывать нечего. Вот и приходилось, скрепя сердце, расставаться с золотом. Или, как в 90 году и, насколько мне известно, впоследствии, отдавать в залог — под кредит, хотя я терпеть не мог помногу одалживаться.

Почему скрепя сердце? Не в последнюю очередь потому, что добыча золота в Союзе была не так уж велика: в 89 году она составила 302 тонны, в том числе в России — 202 тонны. Остальное, естественно, в других союзных республиках. И всякие иные — сенсационные — цифры являются плодом воображения или намеренной дезинформации общественности. Примерно половина добытого уходила на внутреннее потребление, в основном на ювелирные изделия и электронику. Остальное шло на продажу за рубеж и накопление запасов.

Учитывая, что продажа золота — самый легкий и быстрый способ получения валюты, на меня давили все. И мои заместители, и секретари ЦК, особенно — отвечающие за сельское хозяйство, да и сам Горбачев не оставался в стороне. Так что эти двести без малого тонн, на которые за пять лет увеличился золотой запас страны, дались мне нервами, которые я потратил, сражаясь с теми в высших властных эшелонах, кто считал возможным продавать золото даже без крайней необходимости, не отвечая при этом за его запас.

После сенсационного сообщения Григория Явлинского в 91 году о том, что в стране осталось лишь 240 тонн золота, волна публикаций захлестнула печать. Не остались в стороне и другие официальные лица. Золотая карта стала разыгрываться мощно и широкомасштабно. Президент России в своем выступлении сообщил всему миру и своим согражданам, что золотой запас в стране на начало перестройки был равен 2300 тоннам золота.

Я только что написал об истинных, а не мифических запасах золота в слитках. Специально подчеркиваю эту последнюю деталь, так как ни ювелирные изделия, ни музейные ценности, ни антиквариат в запасе не числятся. Из закрытой информации я знал, что, действительно, запас в объеме 2300 тонн в стране был — только во время Сталина. Но больше такой цифры в стране никогда не было. Знаю также, что Никита Сергеевич Хрущев в начале 60-х только в один неурожайный год продал 650 тонн золота. Не знаю, кто как, но я помню голод 46—47 годов. В то время я учился в техникуме. Половина ребят в нашей группе пухли от голода. Через много лет я узнал, что и тогда ни одного килограмма золота Сталиным не было продано и ни одной тонны зерна не куплено. Более того, государственный резерв зерна был выше, чем я получил по наследству от своего предшественника через 40 лет.

Мои публикации поубавили «золотые страсти». Но чуть позже, как по команде, в газетах и на телевидении всплыл новый вопрос — на этот раз о платине. Очевидно, придется до сведения читателей некоторые данные.

Наша страна является одной из ведущих по производству этого драгоценного металла. Здесь цифры и производства, и потребления совершенно не сопоставимы с золотом. Да и область применения, в том числе и в ювелирной промышленности, значительно уже. Порядок расхода платины точно такой же, как и золота. В 1986 году ее годовое производство составило примерно 60 тонн. Внутреннее потребление — 50 тонн и экспорт — 10 тонн. Запас был в то время 40 тонн. К концу 90 года цифры были, соответственно, 70, 50, 13 и запас — 60 тонн. Как видно из этой статистики, запас вырос на одну треть и был выше годового потребления этого металла.

Наконец, об алмазах. Крупнейший немецкий философ и ученый средневековья Альберт Великий писал: «Если хочешь победить своих врагов, возьми камень, называемый алмазом...» Такими словами выражалась ценность и зна-

чимость этого вечного камня. Советский Союз в послевоенные годы создал мощную индустрию, которая давала четверть мировой добычи алмазов. Почти вся (98 процентов) их добыча сосредоточена в Якутии.

Такой объем добычи позволил нашей стране стать одним из крупнейших поставщиков алмазного сырья в мире. По некоторым данным, СССР обеспечивал от четверти до трети мирового экспорта ювелирных алмазов и около 10 процентов бриллиантов. Например, только в 91 году было продано примерно 10 миллионов карат алмазов и 500 тысяч карат бриллиантов. Действовавшая система обеспечивала в то время плановое распределение ежегодной добычи: удовлетворение внутренней потребности — ювелирная промышленность и технические алмазы; экспорт; пополнение резервов Государственного хранилища. Внутренние потребности страны обеспечивались в полной мере, а резервы достигали объема нескольких годовых добыч.

Что же касается продажи алмазов за рубеж, то мы, подобно многим в мире, экспортируем их через корпорацию «Ди Бирс». Как известно, одним из основателей этой гигантской корпорации был Эрнст Oppenheimer, эмигрировавший из Германии в ЮАР в конце прошлого века. В честь столетия корпорации из алмаза в 599 карат, найденного на легендарной шахте «Премьер» в ЮАР, был изготовлен уникальный бриллиант «Столетие» массой в 273 карата.

«Ди Бирс» контролирует 50 процентов добычи и 90 процентов оптовой продажи алмазов и бриллиантов в мире. Наша страна сотрудничает с этой корпорацией более 30 лет, продавая в основном необработанные алмазы. До уничтожения СССР у нас было всего лишь шесть гранильных заводов, которые обрабатывали только 15—17 процентов ассортимента экспортируемых алмазов. Отсутствие достаточных мощностей и несовершенное технологическое оборудование не позволяли увеличить удельный вес в экспорте обработанных камней. И мы невольно как бы подкрепляли утверждения «Ди Бирса» о том, что не всегда оправдано обрабатывать алмазы в стране добычи. Может быть, в каких-то случаях это и так, но не по отношению же к таким огромным странам, как СССР и Россия! Мы прекрасно понимали подоплеку пропаганды подобных взглядов. Конечно, нам нужно было развивать свою собственную алмазную обрабатывающую промышленность, но, к сожалению, сил на это не хватало. Так что пока и существуют в мире лишь исторически сложившиеся, ставшие традици-

онными центры обработки алмазов — Антверпен, Тель-Авив, Бомбей и Нью-Йорк. Правда, сейчас, можно сказать, лед тронулся: в Якутии начинают работать новые, современные предприятия по обработке алмазов.

Уникальность положения этой корпорации, успешно действующей в условиях жестких антимонопольных законов, поражает всех. «Ди Бирс» контролирует мировые цены, регулируя рынок сырья и бриллиантов. Для этих целей она скупает сырье в объемах, гораздо больших, чем требуется для ежегодной продажи: на 2—2,5 миллиарда долларов. Вокруг деятельности этой «империи» не утихают споры во всех концах света. Не было и нет сегодня единого мнения по этому поводу и в нашей стране.

Все, кто садился в кресло Председателя Совета Министров СССР, со временем сталкивался с жесткой хваткой «Ди Бирс» и начинал искать возможности обойти монополиста, продать самостоятельно и подороже достаточно крупную партию алмазов помимо тех официальных нескольких процентов их экспорта, которые нам по договору с корпорацией дозволено реализовать самим на мировом рынке. Все считали, что «Ди Бирс» нам, как и всем остальным, крупно недоплачивает. Я не оказался исключением. Если не ошибаюсь, в начале 89 года мы разрешили Гохрану выпустить на рынок, минуя «Ди Бирс», пробную партию камней.

Преследовалась цель выявить конъюнктуру мирового рынка без посредников и определить разницу в ценах «Ди Бирса» и свободного алмазного рынка. Если его можно назвать свободным. Но как мы ни старались повернуть операцию по-тихому, корпорации стало немедленно все известно, появилась шифровка от нашего посла в Лондоне пришлось спешно и не без труда улаживать скандал.

После этого печального опыта я, будучи в Австралии, разговорился с моим коллегой, тогдашним премьер-министром Робертом Хоуком. Австралия, напомним, тоже стала одним из крупнейших в мире поставщиков алмазов. В беседе он меня спросил с надеждой:

— Вы никогда не пытались уйти от влияния «Ди Бирс»?

— Пытались, — честно признался я. — Да только ничего не получилось. Подумали-подумали и решили: нет смысла. Где искать покупателей, которые рискнут с ним соперничать? Я лично не знаю где. Да и выгоды особой не вижу.

Хоук сочувственно покивал:

— Хорошо вас понимаю... Мы тоже пришли к этому выводу.

К слову, не думаю сегодня, что «Ди Бирс» нас обманывает. Просто корпорация держит, как и всякий могучий монополист, цену в своих руках. Общую для всех цену.

Возвращаясь к газетной кампании, раздутой вокруг «золото-платиновой» и «алмазной» проблем, могу лишь сказать, что она стала возможной в результате нашей вселенской секретности. Кто и когда превратил золото и алмазы в стратегическое сырье, запретив всякое упоминание в открытой печати об их добыче и хранении, не знаю, но глупость была совершена изрядная. В любой стране сведения о размерах добычи любых полезных ископаемых, о количествах золотых и прочих государственных запасов имеются в справочниках, которые продаются в обычных книжных лавках. Хочешь узнать — купи и прочти, а не прибегай к услугам разведки.

У нас же все всегда превращалось в государственную тайну, гиперболически обрастало домыслами и слухами, а в разгульную эпоху гласности выплеснулось на разверстые страницы газет потоком тотального, хотя и вполне объяснимого невежества. Кстати, припоминаю, как лет, пожалуй, пятнадцать тому назад кто-то распорядился засекретить сведения о количестве выпускаемых в стране грузовых автомобилей. Чтоб враг не знал! Правда, вскоре опомнились, а то в сегодняшней нехватке грузовиков где-нибудь на уборке урожая тоже обвинили бы Правительство Рыжкова, преступно склонное к «циничной распродаже резервов Родины» (цитата из «Известий»).

До этого момента, как вы видели, шла речь об экспорте. Но не меньше забот вызывала и проблема импорта. В нашей индустриальной стране работала на импортном оборудовании половина химической промышленности, 80 процентов — легкой и пищевой. А всего импорт машин и оборудования в общем объеме импорта составлял 40 процентов. Прошу обратить внимание на эту цифру!

Я всегда считал, что если уж мы занимаем деньги, то покупать следует технологию — заводы и фабрики. До сих пор сердце радуется, когда по телевизору показывают технологические линии по производству обуви, например, или макарон, которые были куплены еще в конце 80-х.

К слову, о неожиданных сложностях в сотрудничестве с зарубежными фирмами. Мы построили с помощью итальянских фирм три обувные фабрики, каждая из которых

выпускала по 2 миллиона пар обуви в год. Предприятия прекрасные, и мы, проанализировав ситуацию, решили построить еще 10 фабрик. Год вели переговоры с итальянцами, испанцами, представителями других стран и наконец подписали контракт, по которому наши зарубежные партнеры обязались в течение 30 месяцев ввести в строй эти предприятия. Казалось бы, надо радоваться, что наше население получит 20 миллионов пар первоклассной обуви. Но одна из газет опубликовала резко критическую статью. Вицепрезидент компании, упомянутой в статье, счел эту публикацию оскорбительной. Сделка не состоялась. Критический запал, уместный при обсуждении наших внутренних дел, далеко не безобиден для внешней торговли...

Сегодня России, конечно, не до всяких там линий, сегодня ей приходится почти всю валюту тратить на ввоз продуктов питания, чтобы население могло выжить и, увы, выпить. В прошлые же годы импорт продовольствия составлял 10 процентов от объема его потребления, а вместе с зерном на него тратилось примерно 30 процентов валюты. Мы не могли ждать, когда заработают купленные за нее линии, или новые индустриальные технологии существенно увеличат урожайность зерновых, или будут созданы условия для производства сбалансированных кормов для животноводства. Питаться же человеку надо каждый день. Вот и разрываемся между рациональным и необходимым.

Самым обидным в политике импорта было то, что приходилось ввозить продукты питания или сырье для их изготовления, которые мы прежде сами экспортировали. Причем не только зерно, как до революции. Мы вот и растительное масло еще в 60-х годах вывозили — 700 тысяч тонн ежегодно! А в конце 80-х уже ввозили — аж целый миллион тонн. Заметим, что его производство в стране при этом не уменьшилось.

В 1986—1988 годах, объективно говоря, в отечественном сельском хозяйстве произошли заметные положительные сдвиги. Не желая утомлять читателей обилием цифр, назову лишь одну: среднегодовой прирост производства продуктов продовольствия за эти годы составил 3,7 процента. Но есть в экономике такое понятие, как «неудовлетворенный спрос», когда деньги есть, а купить на них нечего. И, к сожалению, за упомянутое время этот разрыв при росте производства тоже увеличился. В продуктах питания он составил в 85 году 17,5 миллиарда рублей, а в 88-м (при производстве этих продуктов на сумму 136 миллиардов) — 21 миллиард.

У людей появилась возможность покупать ранее недоступные или недостаточно доступные для них продукты питания. Мы рассчитали: чтобы в этой ситуации положение на продовольственном рынке улучшилось, надо обеспечить ежегодный прирост продовольствия не менее чем на 5 процентов. Но об этом речь впереди.

Одним из первых лозунгов Советской власти был знаменитый «Земля — крестьянам!». Российский мужик поверил ему и поддержал революцию, положив за эту землю в гражданскую войну сотни тысяч молодых парней. Трудно перечислить все, что выпало на долю кормильцев страны в последующие годы. И продразверстка, и тотальная коллективизация, и индустриализация в огромной мере за их счет, и послевоенные сталинские налоги на каждую яблоню и курицу. Даже паспортов у крестьян до Хрущева не было...

Ныне половина фермеров разорилась. Да и как не разориться, если даже крупные товаропроизводители сельхозпродукции не могут выжить при нынешней аграрной политике. Цены на технику, на запчасти, на нефтепродукты, электроэнергию, на удобрения, стройматериалы делают их практически недоступными для крестьянина, деньги за поставленную продукцию не выплачиваются, проценты на кредиты превращают их в экономическую бессмыслицу. В результате земля деградирует, урожаи падают, молоко спаивают свиньям, овощи и фрукты не убираются...

Нельзя без боли думать о положении дел на селе сегодня. Трудно будет ему подниматься. Да и появится ли желание у нынешних властей помогать ему в этом? Ведь нефти, газа, леса, другого сырья на экспорт на несколько лет хватит, а там... Да и 40 процентов импорта на современные технологии — это идеализм Рыжкова. Пусть эти машины работают на Западе. А бананы они нам дадут. И впрямь: полки ломятся от импортных продуктов, а свои, отечественные, гниют.

Немало тяжелых испытаний пережила деревня и в последующие десятилетия. Но вот к власти пришли новые, «ультрадемократические» деятели. И что же они сделали с сельским хозяйством? Отбросили его по объему продукции в 50—60-е годы, по организации труда и производства — в еще более допотопные времена, а о финансовом положении деревни, о социальной защищенности современного крестьянства и говорить не приходится. Нужно ли другое, более весомое свидетельство того, чьи интересы выражают и за чей счет защищают их нынешние власти России?

Выходит, тут же могут спросить меня: вы против того, чтобы землю — крестьянам? Да упаси Бог меня в том обвинять! Я — за! Но, как всегда, я против любимой всеми властями — и партократами, и демократами — кампанейщины. Я против того, чтобы чохом ломать построенное и худо-бедно работающее, а на развалинах возводить невесть что невесть из чего. Я опять за здравый смысл. Землю — крестьянам? Всякий, кто пожелает, может и должен получить земельный надел, который он сможет обиходить. Но только тот, кто пожелает, а не силой всех загонять. А коли колхоз или совхоз безубыточен, так пусть работает, соревнуется с фермером. И хорошему совхозу или, если уж новым властям так угодно, госхозу на земле место найтись должно. Это, если я правильно понимаю, и называется плюрализмом собственности.

Впрочем, в то время меня больше заботила не столько многоукладность сельского хозяйства, сколько состояние его перерабатывающей базы, которая и приносила нам основные убытки.

В октябре 88 года в ЦК партии прошло совещание, посвященное проблемам перерабатывающей промышленности. На нем собрались, как обычно, первые секретари обкомов и крайкомов, директора предприятий, руководители совхозов и колхозов. Я выступал с основным докладом. Главная моя мысль состояла в том, чтобы самим и как можно быстрее увеличить выпуск оборудования для перерабатывающих отраслей.

Было ясно, что министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности не справится ни с темпами, которые диктовались остротой ситуации, ни с деньгами, отпущенными государством, ни, тем более, с требованиями к качеству продукции. Оставалась единственная возможность: подключить к этой программе предприятия военно-промышленного комплекса, к которому раньше гражданским отраслям и подступиться нельзя было.

Мне и в те дни кричали: «Вы хотите разрушить специализированную промышленную структуру!» «Разрушить — нет! — отвечал я. — Ничего разрушать не надо. Но перестроить, переориентировать — обязательно!» Времена на дворе стояли другие. Покричали на меня радители «спецминистерств» — и в скором времени предприятия Министерства судостроения, например, прекрасно освоили выпуск небольших пекарен, предприятия Министерства оборонной промышленности стали давать отличное оборудование для

производства сахара, Министерство общего машиностроения — выпускать молочные линии. И, замечу, не развалились.

Помню, направляясь в Швецию и Норвегию, я включил в состав делегации министра среднего машиностроения Льва Дмитриевича Рябева, будущего моего заместителя. Конечно, поехал он в Скандинавию не атомными проблемами заниматься, а изучать работу молочных комплексов и их производство. Именно это Совмин поручил его министерству.

На обеде у премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд, моей хорошей знакомой и чрезвычайно симпатичной и умной женщины, разговорились о политике разоружения, об опасности Европе со стороны ее советских соседей.

— Хотите воочию видеть виновника этой опасности и всех ваших страхов по ее поводу? — неожиданно спросил я.

— Конечно, — ответила госпожа Брундтланд.

— Вот он, — я указал на Рябева. — Рядом с вами — самый главный в Советском Союзе производитель атомного оружия.

Если я и хотел достичь какого-то эффекта, то большего вряд ли удалось бы. Немая сцена из «Ревизора» на норвежской земле...

Выдержав мхатовскую паузу, я добавил:

— А здесь он хочет выведать государственную тайну производства комплексов для молочной промышленности, ибо наши атомщики сегодня озабочены не только производством боеголовок ракет, но и молока, сметаны, творога и кефира. Так что бояться их не надо. Лучше — помогать.

Я не очень верил в бескорыстную помощь нам со стороны государств с иной общественной системой. Для тех, кто станет разрушать неуютный им строй, — помощь всегда найдется. И не малая, как показала последующая практика. Но в то время с нашей страной могли быть только деловые, взаимовыгодные экономические отношения. В СССР видели надежного и солидного партнера.

Мы и сами встали бы на ноги. Быстро научились бы делать не только ракеты, но и крескерные линии, и современные промышленные холодильники, и все остальное, что связано с хранением и переработкой продукции села. И не надо было бы унижаться и ходить по миру с шапкой в руках. Но, к сожалению, это такое важное для страны дело в нынешних условиях практически захирело: кому нужны

современные перерабатывающие предприятия, если продовольствие в готовом виде привозят из-за рубежа...

А теперь я коснусь едва ли не самого большого для меня вопроса — о ценообразовании. Уверен: главной нашей ошибкой было то, что мы разорвали цепь реформ как раз в этом, основном ее звене. Помните, вместе с Законом о госпредприятии мы приняли пакет документов, среди которых было и постановление о ценах? Ведь многие отрасли промышленности, особенно предприятия сельскохозяйственной переработки, работали в убыток, и государство мощно дотировало каждую буханку хлеба, каждую бутылку молока, каждый батон колбасы.

Осенью 87-го мы настойчиво ставили вопрос о реформе ценообразования: давайте переходить на новые цены — оптовые, закупочные, розничные. Система компенсационных мер продумана. Пора перейти от слов к делу, хватит болтать о реформах, о предстоящем вхождении в рынок. В регулируемый, имсю в виду, как и во всем цивилизованном мире. А нам в ответ: подождите, не спешите, еще не время, народ нас не поймет. И это говорили не только политики, но и ученые, которые ранее уверяли, что без изменений в ценообразовании глубокие реформы в экономике невозможны.

Не настоял. И это было крупной ошибкой. В то время такая реформа была бы для людей гораздо менее болезненна, чем даже в предложенных мною же мерах в 1990 году. Я уж не говорю о 2 января 92-го, когда Ельцин—Гайдар спустили цены с какого-либо сдерживающего поводка. Реформы в экономике — дело тонкое и точное. Их или надо проводить все время планомерно и полностью, как им и положено, или не проводить вовсе.

Все вышеперечисленное и неперечисленное здесь приводило к разбалансированности и росту дефицита государственного бюджета. Да, люди стали получать больше денег за свой труд, к чему мы и стремились, переводя предприятия на хозрасчет. Казалось бы, жить стало лучше! Увы, нет. Я уже упоминал экономический термин «неудовлетворенный спрос». Деньги появились, а товаров и услуг в достаточном количестве не прибавилось. За описываемые три года доходы населения выросли на 213 миллиардов рублей, а расходы — только на 194 миллиарда. Разница в 19 миллиардов, поскольку материального наполнения ее не было, давила на рынок.

Напомню также, что в это время начался переход к

новым принципам формирования государственного бюджета. Ранее существовало положение, согласно которому предприятия обязаны были перечислить Министерству финансов запланированные отчисления, независимо от результатов своей хозяйственной деятельности. Потом они, предприятия, получали из Москвы часть своих же денег, нередко чуть ли не выпрашивая их. Реформа предусматривала отчисления в бюджет в зависимости от фактической хозяйственной деятельности предприятий.

Мы стремились всячески уменьшить дефицит, увеличить доходы государства и ограничить расточительность в столь сложный период реформ. В 1989 году дефицит составил 81 миллиард рублей. На 90-й мы планировали резко снизить его — до 60 миллиардов. Зажавшись, конечно. И действительно, при всех сложностях и сопротивлении страна завершила год с дефицитом в 58 миллиардов! Наша программа ставила целью в течение двух-трех лет сократить дефицит бюджета до максимально допустимого уровня.

Российский, еще гайдаровский, не особенно раздумывающий о причинах и следствиях своих «революционных» шагов, Кабинет Министров решил ошеломить страну, предложив на 1992 год вариант бездефицитного бюджета. Восхищенные газетчики тут же подхватили: вот, смотрите, как надо по-революционному решать вопросы, а не заниматься какой-то эволюцией. Ведь оказалось, что можно за один прием сделать бездефицитный бюджет! Отвечаю: конечно, возможно.

Проще простого увязать предполагаемые доходы с расходами, сократив последние до минимума, заставить страну жить впроголодь и донашивать старье, резать ассигнования всех «беспольных» социальных программ... Российские лидеры очень мягко, с невинной миной предупреждают: да, придется затянуть пояса. Боюсь, однако, как бы слишком затянутые пояса всех нас надвое не перерезали. Вон Сталин тоже любил экономить за счет народа. И Чаушеску это делал. Да и во многих странах «благополучного» капитализма к этому средству нередко прибегают. Я же никогда не представлял себе даже малейшей возможности стабилизировать бюджет, сознательно обрекая для этого людей на жизнь в голоде и холоде.

Теперь, летом 95-го, вижу, что многие мои прогнозы, к сожалению, оправдались. Только затягивают пояса не все. И люди видят это. Даже не малая часть газетчиков отрезвела и время от времени грозит забастовками из-за

того же «бездефицитного бюджета», о котором они еще недавно говорили с таким упоением.

Меня и возглавляемое мной Правительство то и дело обвиняли в «преступном шараханье», в «несуверенных шагах», в «непоследовательности действий». Конечно, и это было. И я честно о том пишу. Но сколько же таких шараний и преступных шагов уже сделали и еще сделают новые власти... Да прсмьера Рыжкова за сотую часть этих истинных преступлений заживо сожгли бы!

Эпоха всеохватывающего распределения канула в Лету. Похоже, однако, что в том же направлении исчез и здравый смысл в рыночной политике. Но пока не только им, но и самим рынком даже не пахнет. Наш теперешний рынок — это огромная орущая, мухлюющая, вздорная, злобная, жестокая барахолка, которая и обманет, и обворует, а то и запросто затопчет. Впрочем, об этом в другой раз.